

Characteristic features of fairy tale phraseology proper

Rustam JURAKULOV¹

Samarkand State Institute of Foreign Languages

ARTICLE INFO

Article history:

Received September 2023

Received in revised form

10 September 2023

Accepted 25 October 2023

Available online

15 December 2023

Keywords:

fairy-tale phraseology
proper,
phraseological units,
stable verbal complexes,
clichés,
rhythmic construction,
tautological repetition,
synonymous repetition,
clichéd commonplaces,
variation,
phraseoform.

ABSTRACT

The article presents the results of the analysis of phraseological units (PU) and stable verbal complexes (SVC) of the phraseology of Russian translations of Uzbek folk tales, which are characterized by various structural, semantic, and other properties. The structural categories of fairy tale phraseology are quite active. This article examines various formations that are characteristic of Russian texts of Uzbek fairy tales.

2181-3701/© 2023 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-3701-vol1-iss6-pp1-8>

This is an open-access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

Ertak frazeologiyasining o'ziga xos xususiyatlari

ANNOTATSIYA

Kalit so'zlar:

ertak frazeologiyasi o'ziga
xos,
frazeologik birliklar,
turg'un fe'l komplekslari,
klishe'lar,
ritmik yasash,
tavtologik takror,
sinonimik takror,
variatsiya,
frazeoform.

Ushbu maqolada o'zbek xalq ertaklarining rus tiliga tarjimalari frazeologiyasining frazeologik birliklari (PU) va turg'un fel komplekslari (SVK) tahlili natijalari keltirilgan bo'lib, ularning turli tarkibiy, semantik va boshqa xususiyatlari haqida ma'lumotlar berilgan. Shuningdek, maqolada o'zbek ertaklarining ruscha matnlariga xos bo'lgan turli shakllari ko'rib chiqilgan.

¹ Professor, Samarkand State Institute of Foreign Languages

Характерные особенности собственно сказочной фразеологии

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:

собственно сказочная фразеология, фразеологические единицы, устойчивые словесные комплексы, клишированные образования, ритмическое конструирование, тавтологический повтор, синонимический повтор, клишированность общих мест, вариантность, фразеоформа.

В статье приведены результаты анализа фразеологических единиц (ФЕ) и устойчивых словесных комплексов (УСК) фразеологии русских переводов узбекских народных сказок, которые характеризуются различными структурными, семантическими и другими свойствами. Структурные разряды фразеологии сказки отличается достаточной активностью. В данной статье рассмотрены различные образования, характерны для русских текстов узбекских сказок.

ВВЕДЕНИЕ

Собственно сказочная фразеология охватывает те ФЕ и УСК, которые типичны преимущественно для сказочного текста. Сюда же могут быть вполне отнесены и УСК, которые, встречаясь в общенародном языке, тем не менее особенно активны в сказочном повествовании. Речь идет здесь о таких УСК, как «в давние времена», «давным-давно» и т.п. Рассмотрим наиболее характерные особенности всего разряда собственно фольклорных УСК сказки.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНАЛИЗ И МЕТОДОЛОГИЯ

1. Среди УСК сказок выделяются активностью своего употребления различные **клишированные образования**. Обычно они фигурируют в составе «общих мест», в зачинном контексте сказки. Это клишированные образования типа:

«У ... было ...» (43), ср. в контексте: «Когда-то жил шах. У него был любимый попугай...» /II, с.12/; /Цифры в скобках означают: 1 – римская – источник, 2 – арабская – количество употреблений ФЕ в анализируемых текстах, 3 – страницы/; «У гератского султана Хусейна Байкары было всего сорок визирей...» /I, с.294/; «У шаха было два сына ...» /IX, с. 509/; «Было или не было, но говорят, в давние времена в одном большом селении жил некий бай. У этого бая было три жены...» /XX, с. 277/.

«У ... не было ...» (11), ср. в контексте: «Было или не было, но говорят, в давние времена правил некоторым государством один падишах. У этого падишаха совсем не было детей ...» /XX, с. 173/; «В старые времена жил один виноградарь. Он был сильно опечален тем, что у него не было детей...» /УШ, с. 188/.

«Был у ...» (28), ср. в контексте: «Было не было, но давным-давно, когда звери и птицы умели разговаривать, а розы были заколдованными девушками, жил в стране бедняк. Был у бедняка сын Фархад ...» /II, с. 47/; «В давние времена жила старуха. Был у нее плешивый сын...» /II, с. 233/; «В давние времена был у Алдаркусы винторогий козел...» /XI, с. 7/.

«И было у ...» (27), ср. в контексте: «В давние времена жил на свете бедняк. И было у него два сына...»/IY, с. 208/; «Жили были старик со старухой в доме на опушке дремучего леса. И было у каждого из них по дочери...» /XU, с. 3/; «Жил-был в одном городе купец. Не то чтобы бедный, но и не очень богатый. И было у купца ещё одно, самое большое богатство. Три его дочери-красавицы...» /XUШ, с. 293/;

«У одного ... было ...» (19), ср. в контексте: «У одного царя было сорок сыновей.../IX, с. 339/; «У одного дехканина была красавица – дочь Джамиля ...» /XX, с. 162/; «У одной бедной женщины был сын...» /XIY, с. 4/; « У одного шаувазца жена была чересчур уж сварливой...» /UII, с.54/ и др.

Подобные клише нередко составляют устойчивую схему, которая служит базой для образования гнезда клишированных конструкций:

давние (84)

старые (22)

стародавние (17)

те давние (2)

древние (7)

далекие (5)

давно прошедшие (5)

давние-предавние (3)

давно минувшие (3)

прошлые (3)

«в -----давние-давние (2) -----времена» 20 (174)

прежние (2)

те (2)

незапамятные (2)

давние-сказочные (1)

некие (1)

минувшие (1)

те минувшие (1)

старые-престарые (1)

страшные (1)

Принципы организации собственно фольклорных УСК сказки отличаются достаточным разнообразием. Обратимся к некоторым из них. Они показательны преимущественно для УСК сказочных зачинов.

1) УСК, организованные на ритмическом конструировании:

- модель «... ли, ... ли»: «долго ли, коротко ли» (23), «долго ли, мало ли» (11), «сытно ли, голодно ли» (7), «было ли, не было ли» (4), «мало ли, много ли» (4), «много ли, мало ли» (4), «близко ли, далеко ли» (4), «были ли, нет ли» (1), «плохо ли, хорошо ли» (1), «долго ли, скоро ли» (1), «стороной ли, дорогой ли» (1);

- модель «не ..., не ...»: «не голодны, не сыты» (4), «не богатый, не бедный» (3), «не богато, не бедно» (1) и др.

2) УСК, построенные на отношении антонимии: «было или не было» (22), «было ли не было» (7), «было то, не было» (6), «было это или не было» (5), «жил или не жил» (4), «было не было» (4), «давно это было или недавно» (1), «шел дорогами известными, шел дорогами неведомыми» (1).

Клишированность «общих мест» в различных фрагментах сказки (зачине, повторяющихся местах, переходах, концовке) обуславливает насыщение контекста разными УСК, образующими тем самым более объемный устойчивый комплекс. Ср. следующие из них:

– «в давние времена» + «жил да был», ср. в контексте: «В давние времена жил да был один царь...» /VII, с. 268/; «В давние времена жил да был один падишах...» /XX, с.14/;

– «жил или не жил» + «в прошлые времена», ср. в контексте: «Жил или не жил, в прошлые времена, но говорят, в одном городе был один плешивый...» /I, с.271/;

– было или не было + в старые времена, ср. в контексте: «Было или не было, а в старые времена у одного шаха была дочь . . .» /I, с.39/;

– жил или не жил + был ли голоден или сыт, ср. в контексте: «Жил или не жил, был ли голоден или сыт, но жил когда-то бедняк . . .» /II, с. 224/.

Подобные комбинации способствуют углубленному выражению определенного образа. Тем самым, например, достигается, высокая степень семантической конкретизации. Это наглядно видно на выражении в сказочных зачинах семантики давно прошедшего времени, для чего используются комбинации двух семантически близких, адекватных УСК:

– давным-давно + в прошлые времена, ср. в контексте: «Давным-давно в прошлые времена жил в кишлаке Окуджар старик бедняк...» /I, с.64/;

– давным-давно + в старые времена, ср. в контексте: «Давным-давно в старые времена, жил жестокий шах...» /I, с.5/;

– давным-давно + в незапамятные времена + в некоей стране, ср. в контексте: «Давным-давно, в незапамятные времена жил в некоей стране один падишах...» /XX, с.212/.

Такие ряды могут состоять и из трех или более УСК:

– было или не было+ в давние времена+ жил-был, ср. в контексте: «Было или не было, в давние времена жил-был падишах по имени Султан...» /V, с.21/;

– был или не был + голодный или сытый+ в давние времена, ср. в контексте: «Был или не был, голодный или сытый, но в давние времена одним городом правил шах Валихан...» /II, с.242/;

– было это или не было + плохо ли, хорошо ли + сытно или голодно + жили когда-то, ср. в контексте: «Было это или не было, плохо ли, хорошо ли сытно или голодно, но говорят, жили когда-то старик со старухой...» /VI, с.5/;

– было это или не было +давным-давно+ в одном царстве+ в одном государстве+ жил-был, ср. в контексте: «Было это или не было, но говорят, что давным-давно в одном царстве, в одном государстве жил-был старик...» /VI, с.7/.

Обсуждение и результаты. Выделяются и другие типы клише, например, УСК парцелированного типа. Это клишированно употребляемые придаточные предложения, и прежде всего клишированные условные придаточные предложения: Если кровь мою пощадите /I, с.90/; Если откажетесь от ложки моей крови /I, с.303; II, с.55/; Если мне жизнь сохраните /II, с.10/; Если пощадишь мою ничтожную жизнь /II, с.27/; Если меня не казнишь /II, с.28/ и т.п.

2. В основе собственно фольклорных УСК сказки лежит часто принцип **тавтологического повтора**. Выделяются следующие типы таких УСК.

УСК полиптонных моделей:

- модель «C1 + за + C5»: день за днем (шел) (32); месяц за месяцем (шел, проходил) (19); год за годом (шел, проходил) (13) и т.п.
- модель «из (изо) + C2+ в +C6»: из года в год (2), изо дня в день (4), из кишлака в кишлак (3) и др.
- модель «Н + Н»: долго-долго (5), давно-давно (2), далеко-далеко (5) и т.п.
- модель «Г + Г»: шел-шел (11), ехал-ехал (12), ездил..., ездил (5), ходил..., ходил (4), летел-летел (7) и др.

Большую роль в употреблении УСК с повтором играет глагол, посредством которого такие УСК вводятся в контекст. Нередко при УСК полиптонной модели, употребляющихся одновременно в одном ряду, наличествует общий для них глагол: день за днем идет, месяц за месяцем, год за годом /I, с.88/; проходил день за днем, месяц за месяцем, год за годом /IV, с.198/; шли дни за днями, недели за неделями /I, с.185/.

Подобный глагол может включиться и непосредственно в контекст фразеоформы одного из (обычно первого) УСК ряда: дни шли за днями, месяцы за месяцами, годы за годами /II, с.33; III, с.27/; дни проходили за днями, месяцы за месяцами /II, с.33; V, с.258/.

Влияние глагольной семантики может возрасть при передаче содержания вышеуказанных клишированных микротекстов, что приводит к повтору глагола в них. Это устойчивые образования типа: день идет за днем, месяц за месяцем, год проходит за годом /XVI, с.24/; проходили дни за днями, месяцы за месяцами, шли годы /XX, с.212/; проходили дни, проходили дни, проходили месяцы /VI, с.41/; шел (он) день, шел (он) ночь /VI, с.34; III, с.104/.

Повтор одних и тех же или тематически близких глаголов позволяет воспроизвести семантику длительности протекаемого процесса или действия, ср.: прошел день, настала ночь, прошла ночь, снова наступил день /V, с.66/; день сменяла ночь, ночь сменял день /II, с.36/.

Подобное устойчивое конструирование сказочного контекста, опирающееся на интенсивном использование глагола (с различными элементами повтора), закрепляется еще и подключением других лексических средств, передающих также семантику длительности процесса, действия. Обычно в этой функции реализуются наречия. Ср. клишированные образования, обозначающие длительность действия посредством устойчивого употребления при глаголах наречия: долго ехал..., много проехал /I, с.31/; долго шел..., много прошел /V, с.210/; долго ли шел, мало ли, но пришел /VI, с.62/; мало ли шел, много ли-пришел /VI, с.44/; ехали ..., отъехали далеко, проехали много /IX, с.341/; ехали долго, проехали много /II, с.6/; ехали долго, проехали немало /I, с.32/; мало ли, много ли ехали, но доехали /III, с.75; VIII, с.340/; долго ли шел, мало ли, одолел горы и равнины и шел /VI, с.13/.

Повтор глагола, в результате чего достигается передача семантики длительности действия, приводит к стабилизации в сказочном тексте таких клишированных УСК: шел-шел (11), шел (он), шел много прошел (7), шел и шел, пока не пришел (4).

Подобные конструкции допускают в контексте уточняющее расширение, призванное усилить передаваемый образ длинного пути, долгого путешествия: шел (он) шел, много прошел, озера прошел и степи прошел, горы прошел, день шел, год шел. Наконец дошел (до большого города) /I, с.272/.

3. В сказочных текстах выделяются своей активностью УСК, основанные на **синонимическом повторе**:

– имен существительных: путь-дорога (16), пир-веселье (8), ветер-буря /II, с.160/; вихрь-смерч /IX, с.382/; друзья-приятели /I, с.187/ и т. п.;

– глаголов: думать-гадать (9), просить-молить (3), спать-почивать /VII, с.104/; плакать-рыдать /IX, с.394/; растить-воспитывать /III, с.60/ и др.

Из них особую группу составляют УСК, построенные на основе сочетания русских и узбекских эквивалентов: богатырь-пахлаван /III, с. 107/; силач-пахлаван /XX, с.251 (2)/; борец-палван /VIII, с. 456/; молодец-джигит /II, с.91/; визирь-министр /XX, с.289/; князь-бек /XX, с.314/; бай-господа /XX, с.276/; таксыры-господа /XX, с.209/; стражник-миршаб /V, с.176/; воины-нукары /XX, с.197, 281/; джарчи-глашатай /VIII, с.19/; домудла-учитель /I, с. 196/; бакаулы-повара /XX, с. 206/; аксакалы-седобородые /XX, с. 254/; старец-аксакал /XX, с.252/; лев-аксакал /III, с.109/; черт-шайтан /III, с.248/; кал-плешивый /XX, с.279/; принцесса-малика /XX, с. 212/; певец-хофиз /VIII, с. 461/; хофизы-песнопевцы /XX, с. 204/; занавес-чимылдык /IX, с. 158/; зиндан-темница /XX, с. 190/; тюрьма-зиндан /III, с. 57; V, с. 206/; яма-зиндан /I, с. 203/; купол-минарет /XX, с. 261/; медресе-школа /XX, с. 216/; мешки-хурджины /XX, с. 193/; напиток-шербет /XX, с. 251/; подарок-сарпо /XX, с. 185/; пруд-хауз /I, с.336/; хауз-водоем /XX, с. 194, 203, 216/; хауз-бассейн /XX, с. 203/; скатерть-дастархан /I, с. 203/; телпек-шапка /XX, с. 177/; царство-падишахство /XX, с. 200/ и др.

4. Ряд сказочных УСК построен на основе сочетания слов, которые соотносятся между собой тематически: юноша-богатырь /II, с.42/; молодец-силач /XX, с. 253/; богатырь-удалец /V, с. 267/; удалец-охотник /II, с. 92/; малец-удалец /XX, с. 237/; джигит-охотник /II, с. 92/; бедняки-голяки /XX, с. 305/; бедолага-гонiec /XX, с. 309/; великан-чудовище /XX, с. 255/; чудовище-разбойник /III, с. 105/; духи-дивы /III, с. 16/; вельможа-посол /XX, с. 206/; горе-тоска /II, с. 32/; город-крепость /XX, с. 221/; крепость-замок /XX, с. 186/; замок-городок /XX, с. 186/; мастер-вор /III, с. 267/; грива-челка /XX, с. 292/; дерево-чинар /IV, с. 4/; дом-дворец /II, с. 149/; дом-особняк /XX, с. 302/; драгоценность-сокровище /XX, с. 305/; еда-питье /II, с. 182/; жалости-милости /III, с. 102/; звездочет-прорицатель /XX, с. 317/; змей-дракон /XV, с. 18/; людоед-дракон /IX, с. 107/; зыбка-колыбель /XX, с. 318/; камень-валун /XX, с. 194, 264/; ковер-дорожка /XX, с. 205/; колодец-логова /XX, с. 12/; лекарь-хирург /I, с. 164/; недруг-враг /XX, с. 333/; охотники-ловчие /XX, с. 220/; стражники-дозорные /XX, с. 220/; помощь-защита /III, с. 97/; путники-странники /XX, с. 207/; род-племя /IX, с. 161/; XX, с. 29, 96, 204/; светильник-фонарь /XX, с. 216/; свиток-послание /XX, с. 207/; страх-ужас /XX, с. 231/; счастье-удача /IX, с. 198/; степь-пустыня (7), хитрости-уловки /XX, с. 318/; цветники-розарии /XX, с. 217/; царство-государство /XX, с. 286/; шатры-палатки /XX, с. 275/; иглы-шипы /XX, с. 292/; шум-гам /III, с. 271/; 578/; юнец-гонiec /XX, с. 367/; едут-добираются /XX, с. 226/; есть-пить /II, с. 163/; одеть-обуть /XX, с. 15, 16/; поить-кормить /IX, с. 575, 581/; рубить-убивать /II, с. 195/; бить-колотить /III, с. 343/; обвив-обняв /XX, с. 297/ и др.

Анализ показал, что к настоящему времени необходимо развернуть исследования в области передачи самых различных по происхождению нерусских текстов. Что касается русских текстов узбекских народных сказок, то их изучение подтверждает гипотезу о существовании особой системы русского языка, своеобразно отражаемой при воспроизведении иноязычных текстов.

Список использованных источников

(При ссылке на сборник в текст статьи указывается его римская нумерация по данному перечню)

- I. Волшебный рубин. Узбекские народные сказки. – Т., 1967. – 348 с. (В этом сборнике есть 80 сказок)
- II. Караван чудес. Узбекские народные сказки. – Т., 1981. – 256 с. (46 сказок)
- III. Узбекские народные сказки. В 2-х томах. Том 2. – Т., 1972. – 512 с. (97 сказок)
- IV. Узбекские народные сказки. Сборник. – Т., 1980. – 352 с. (51 сказка)
- V. Бирюзовый ларец. Узбекские народные сказки. – Т., 1967. – 344 с. (68 сказок)
- VI. Богатырь Рустам. Узбекские народные сказки. – Т., 1984. – 72 с. (8 сказок)
- VII. Как дехканин счастье искал. Узбекские народные сказки. – Т., 1985. – 368 с. (102 сказки)
- VIII. Узбекские народные сказки. – Т., 1955. – 512 с. (106 сказок)
- IX. Узбекские народные сказки. В 2-х томах. Том 1. – Т., 1972. – 584 с. (66 сказок)
- X. Попугай в золотом кувшине. Узбекские народные сказки. – Т., 1973. – 32 с. (5 сказок)
- XI. Самый лучший подарок. Узбекские народные сказки. – Т., 1973. – 40 с. (7 сказок)
- XII. День падающих с неба блинов. Узбекские народные сказки. – Т., 1968. – 504 с. (54 сказки)
- XIII. Волк и лиса. Узбекские народные сказки. – Т., 1970. – 256 с. (56 сказок)
- XIV. Минарет и Аист. Узбекские народные сказки. – Т., 1973. – 32 с. (6 сказок)
- XV. Зумрад и Киммат. Узбекские народные сказки. – Т., 1985. – 22 с. (1 сказка)
- XVI. Как дехканин счастье искал. Узбекские народные сказки. – Т., 1978. – 32 с. (7 сказок)
- XVII. Литература народов СССР. Хрестоматия для высших учебных заведений. Часть 2. – М., 1971. – 473 с. (3 узб. сказки, стр. 16-25)
- XVIII. Волшебный цветок. Узбекские народные сказки. – Т., 1986. – 352 с. (57 сказок)
- XIX. Ярилташ. Узбекская народная сказка. – Т., 1986. – 28 с. (1 сказка)
- XX. Жемчужное ожерелье. Узбекские народные сказки. – Т., 1986. – 336 с. (68 сказок)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии. – Самарканд: СамГУ, 1973. – С.171-180.
2. Бушуй А.М. Сущность языка как проблема общей лингвистики. – Самарканд: СамГИИЯ, 2004. – 90 с.
3. R.D.Juraqulov- Ertak janrining o'ziga xos xususiyatlari // Academic research in educational sciences. – 2022. – Т. 3. – № .5. – С. 786-794.
4. Jurakulov R. Теория фольклорной фразеологии (по данным изучения языка сказки) // Журнал Педагогики и психологии в современном образовании – 2022. – Т. 2. – №. 3.

5. Davronovich J.R. Lexical Features of folklore // EPRA International Journal of Development (IJRD). – 2022. – Т.7. – № 2. – С. 56-58.

6. Mohinur R., Jurakulov R.D. Classification of Proverbs used in Folklore // Miasto Przyszosci. – 2022. – Т. 24. – С. 448-449

7. Журакулов Р. Об особенностях фразеологии узбекских народных сказок // Иностранная филология: язык, литература, образование. – 2018. – Е.3. – № 2 (67). – С. 47-51.

8. Davronovich J.R. Opinions of come scholars on the phraseology of folklore // International Journal of Health Sciences. – №. IV. – С. 815-819.